

18+

Дженна Джен

Заговоренная

Дженна Джен Заговоренная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20584659

ISBN 9785448309410

Аннотация

Анастасия – красивая и умная девушка, которая с детства привыкла получать все, что захочет. Она живет в своем мире, где все крутится вокруг нее и ради нее. Но сказка рано или поздно заканчивается, и жизнь подбрасывает ей первые трудности, к которым девушка оказывается совсем не готовой. Настя ищет любые способы, чтобы получить свое, только она еще не знает, что все в жизни имеет свою цену, и рано или поздно приходит время, когда нужно платить по счетам.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Заговоренная

Дженна Джен

© Дженна Джен, 2020

ISBN 978-5-4483-0941-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Как же все-таки приятно иногда слышать, как под ногами скрипит снег. Каждый твой шаг, как забытая мелодия из детства. Из того времени, когда все вокруг казалось сказочным и прекрасным. Когда ты с нетерпением ожидал следующий день, потому что он обязательно должен был принести что-то новое. Все неприятности, как повиновению волшебной палочки канули в небытие, и ты знал, что впереди тебя ожидает неизвестное, но прекрасное будущее.

Вот и сейчас, в это снежное и хмурое утро я иду и прислушиваюсь к своим шагам. Мне нравится, что мои новые сапоги, за которые я выложила невероятную кучу денег, практически полностью проваливаются под снег. И самое приятное, что мне их совершенно не жалко. Мне все равно, что мой норковый полушубок стал похож на облезлую лисицу, потому что падающий снег – это здорово. Я специально подставляю под него свое лицо, на котором еще несколько часов назад был безупречный мейк-ап, и наслаждаюсь тем, как тысячи снежинок иголочками врезаются в мое лицо. Время от времени я открываю рот и пытаюсь их ловить. О Господи, как же это все-таки здорово! Здорово идти вот так, по своему родному поселку, в свой родной дом, радуясь каждому шагу, который приближает меня к нему.

Я уехала из дому в восемнадцать лет. Папа купил мне однокомнатную квартиру в Киеве на Соломенке, когда я поступила в университет на юридически факультет. Он, наверное, сильно гордился мной, раз сделал такой подарок. Ах, если бы он знал...

Моя семья не была богатой, просто родители старались дать своему единственному ребенку все, чего не было у них самих. И их за это нельзя винить. Папа всю жизнь работал юристом в государственной конторе. Поначалу, зарабатывал он немного. Может потому, что тогда времена были другие, а может – просто не умел. Мама не работала. Сразу после колледжа она вышла замуж и родила меня. Во время беременности выяснилось, что у нее проблемы с сердцем, но мама, несмотря, ни на что, решила рожать. Роды были трудные. Без инцидента не обошлось, но врачи спасли ее. После этого у мамы практически полностью отобрало левую сторону. Потребовались долгие годы реабилитации, чтобы она смогла ходить и хоть что-то делать сама.

Как только с мамой приключилась беда, к нам переехала жить моя бабушка Нюся. Мамина мама. Ей очень не хотелось покидать родную Полтаву, но ради дочки и внучки, то есть меня, она была готова на все. Тем более что в родном городе, после смерти дедушки, ее уже ничего не держало. Папа был только рад. У него вообще по жизни был очень покладистый характер, поэтому он мог ужиться с любым человеком. Так и стали они вдвоем с бабушкой воспитывать меня и подни-

мать на ноги маму.

Денег катастрофически не хватало, и папа стал думать, как изменить сложившуюся ситуацию. Однажды он пришел с работы позднее обычного и сообщил маме, что с сегодняшнего дня она стала частным предпринимателем. Сказать, что мама была в шоке, это ничего не сказать, не зная радоваться ей или пугаться. Она абсолютно не понимала, что папа имеет в виду, и что ей теперь делать с этим предпринимательством. Но он, увидев реакцию жены, поспешил ее успокоить, сказав, что у них просто будет свой маленький магазинчик, в котором мама станет торговать. Все документы он оформил на нее, так как ему «не полагалось». Уж не знаю, где он взял денег, чтобы прокрутить все это, но с тех пор наша жизнь явно наладилась. Мама торговала в ларьке, который они поставили возле нашего дома, а папа следил за тем, чтобы в нем всегда были необходимые и свежие продукты. Бизнес работал хорошо, либо потому, что родителей все вокруг хорошо знали и уважали, либо потому, что они жалели прихрамывающую маму, которая практически всю работу делала одной рукой.

Вот так мы и жили вчетвером: папа, мама, бабушка и я. Хорошо жили. Тихо. Мирно. Во всяком случае, таким я помню свое детство. Море тепла, заботы и любви. Сейчас, оглядываясь назад, не понимаю, как я могла в окружении этих хороших и добрых людей, вырасти такой эгоисткой?

Я уехала из дому четырнадцать лет назад. И не смотря

на то, что в родном доме все делалось исключительно для меня и ради меня, приезжала я туда нечасто. Иногда на праздники. Иногда на день рождения. И то не всегда. А ведь ехать до нашей Калиновки совсем не далеко, каких-то полчаса на машине. Но меня туда не тянуло. Меня ждала совершенно новая, и как мне тогда казалось идеальная жизнь. Поселок городского типа меня уже не устраивал, ведь у моих ног была столица. А еще больше мне не хотелось ехать домой, потому что у меня не было сил смотреть в грустные и пустые глаза моих родных. Нет, они меня не упрекали. Они искренне радовались за меня. Но, чем дольше меня не было дома, тем труднее было ехать туда в следующий раз. Я видела, что их потухшие глаза зажигались при виде меня, но, присмотревшись, в них можно было разглядеть и боль. И эту боль им причиняла я. Сейчас я это понимаю, но тогда...

Снег скрипит под моими ногами все сильнее, потому что, увидев свой родной дом, я прибавила шаг. Мне хочется лететь. Хочется зажмурить глаза, и открыть их уже дома. Как же я могла забыть, что такое родной дом? Как же я могла забыть вкус своего детства? Почему-то, будучи детьми, мы стремимся, как можно скорее вырасти, стать независимыми, а когда добиваемся всего этого, то нам хочется домой, назад в детство. Но почему я не поняла этого чуть-чуть раньше? Почему? Тогда я прожила бы свою жизнь иначе.

Я подошла ко двору и остановилась. Дальше сделать хоть

еще один шаг я не могла. Мои ноги не слушались меня. Все вокруг замело снегом. Калитка уже несколько дней не открывалась. Магазинчик, судя по всему, уже давно не работал. Навесной замок на нем стал покрываться ржавчиной. Странно, когда я была здесь в последний раз, то абсолютно не заметила этого. И лишь слабый серый дымок, который неуверенно прорывался из трубы, говорил о том, что в доме все еще кто-то живет. Здесь все еще кто-то меня ждет.

Мое сердце так бешено стучит что, кажется, оно сейчас вырвется из груди. Мои руки дрожат, а щеки горят. Нужно немного успокоиться, а лишь потом входить. Иначе я не выдержу, и сразу же расплачусь, а этого делать нельзя. Больше никаких слез, а только улыбки. Я стала ходить возле двора туда и обратно. Думала, что скажу. Как объясню, почему я здесь. Думала о том, как меня примут. Простят ли? Ведь я настоящая предательница. Я их предала. Я растоптала любовь, которую они в меня вкладывали. Я думала мне все позволено. Я думала, что в мире все для меня. И когда я поняла, что это не так, я стала их винить. Почему они разрешили мне думать, что все просто, когда на самом деле все не так? Бабушка была уверена, что я вырасту и все сама пойму. И она, как всегда, оказалась права. Я все поняла, но какой ценой?

Раздвигая снег ногами, я неуверенно приоткрыла калитку во двор. Ну, вот и все! Я дома!

Глава 2

Я, Трубачева Анастасия Владимировна. Родилась 7 июля 1981 года, в небольшом поселке городского типа в Киевской области. Мой папа, Трубачев Владимир Иванович, родом из Владивостока. Когда-то, несколько десятков лет назад, он приехал в Киев поступать на Юридический факультет в Университет имени Тараса Шевченко. Он всегда рассказывал, что сюда его привела судьба, потому, что именно в Киеве он встретил мою маму, Опанасенко Наталию Ивановну. Абсолютно разные на первый взгляд, они оказались половинками одного целого. Встретившись, они больше никогда не расставались. Поженились, как только закончили учебу. Папе предложили работу в конторе под Киевом, и он с радостью согласился. Они с мамой решили, что останутся жить там, где их свела судьба. Это устраивало их обоих, так как отпадал вопрос о том, куда переезжать, во Владивосток к папе, или в Полтаву к маме.

Таким вот образом наше семейство и поселилось в моей уже родной Калиновке. Бабушка рассказывала мне, что сначала им пришлось нелегко. Они жили в съемной комнате, пока папа строил на выделенной ему земле, свой дом. Приходилось во многом себе отказывать. Иногда даже голодовать, но я ничего этого не помню. Мое детство не омрачало ничто. Мои родители мужественно прошли все тяготы судь-

бы еще до того, как я стала что-либо понимать.

Я себя помню, приблизительно, с пяти лет. В основном это какие-то яркие моменты из моей жизни, которые навсегда останутся со мной. Например, кукла Маша, практически с моего роста, подаренная папой на Новый год, или наша совместная поездка в зоопарк. Я до сих пор помню, как пыталась там поймать голубя, или как первый раз увидела живого слона. Этого я не забуду никогда. Но самое приятное в этих воспоминаниях то, что тогда я была абсолютно счастлива. Весь мой мир, в первую очередь, состоял из мамы, папы, бабушки и меня. Других людей я тогда еще просто не замечала. Они мне просто были не нужны, потому, что у меня все и так было.

Все время от родных я слышала, какая я замечательная, какая умная и красивая. Они говорили мне, что я самая лучшая, и что другой такой в мире нет, и я искренне в это поверила. Да так поверила, что несла эту свою правду сквозь долгие годы, не замечая ничего и никого вокруг. Родители не смогли больше иметь детей, и поэтому всю свою теплоту и любовь они вкладывали в меня, ни в чем, не отказывая своему единственному ребенку. А бабушка всячески им в этом помогала.

Впервые я поняла, что мир не совсем такой, каким я представляла себе его до этого, когда мне исполнилось семь лет. Поход в первый класс обернулся для меня настоящим стрессом, к которому я оказалась не готова.

Шумная линейка. Громкая музыка. Много цветов, белых бантиков и фартуков, ярких ленточек и шариков. Мне было так интересно, что дух захватывало. Казалось, что все это ради меня, что все люди собрались здесь, только из-за того, что я пошла в школу. Все пришли, чтобы поздравить меня. Я смотрела в мокрые глаза мамы и бабушки, крепко держала папу за руку, и молча, обещала им и самой себе, что стану самой лучшей ученицей в школе.

После линейки, родители провели меня в класс, и усадили за первую парту. Прозвенел громкий звонок, и начался первый урок. Мой первый урок. Он был именно моим, потому что я так думала. Я все еще не замечала два десятка таких же нарядных и счастливых детишек в классе, как и я. Все еще думала, что все это для меня. Мне казалось, что учительница разговаривает только со мной, и смотрит именно на меня. Я не могла дождаться того момента, когда смогу ей рассказать стишок, который приготовила специально для нее.

Алла Ивановна, так звали мою первую учительницу, поведала нам, чем мы будем заниматься весь год, и чего за это время научимся. А потом, чтобы мы лучше познакомились друг с другом, предложила нам по очереди рассказать что-нибудь о себе. Я так этого ждала, что сразу поднялась с места и начала говорить. Мне так хотелось побыстрее рассказать ей о себе, о своей семье, о своем доме, что ни о чем другом в тот момент я не думала. Алла Ивановна прервала меня.

Снисходительно улыбнувшись, она сделала мне замечание, и усадила на место. Все дети стали смеяться. Я забыла о том, что сначала нужно поднять руку и дожидаться когда учительница тебя вызовет. Первое правило, о котором мне не раз рассказывали дома. Первое, что нас научила Алла Ивановна, и о чем я сразу же забыла. Ведь я была уверена, что она все равно спросит именно меня. Ведь какая разница, кто такая та Катька, которая сидит сзади. Какая разница, как она живет! Кому это интересно? Но именно ее учительница и попросила рассказать нам о себе, после того, когда она велела сесть мне на свое место. Именно на нее смотрел весь класс. Именно она рассказала свой первый стишок в моем классе.

Эта ситуация стала для меня первым настоящим испытанием, которое я не прошла. Первый раз в жизни я почувствовала себя никому не нужной. Но еще хуже стало, когда началась перемена. Это была моя первая перемена, а я, растерявшись, совершенно не знала, что мне делать. Никому не было до меня дела. Все дети вдруг сорвались и стали бегать по классу, по коридору. Было, похоже, что они все уже давным-давно знают друг друга. Они веселились и абсолютно не обращали на меня внимание. Я неуверенно встала из-за парты, и попыталась выйти из класса, но длинный паровоз из мальчиков и девочек, который двигался на встречу, буквально сбил меня с ног. Прижавшись к белой стене, я присела на корточки и расплакалась. Я еще никогда в жизни так не плакала. До этого, мне еще никогда в жизни не было так

больно и обидно.

– Девочка, что случилось? Тебя кто-то обидел? – услышала я ласковый голос старшеклассницы.

Я подняла на нее свои залитые слезами глаза, не зная, что ответить. Слова застревали у меня посреди горла.

– Пошли. Я помогу тебе умыться, – сказала девочка, и взяла меня за руку, помогая подняться.

Она отвела меня к умывальнику. Умыла лицо. А потом, мокрыми руками, вытерла форму от побелки.

– Ну, вот и все. Ты снова красавица. А теперь беги в класс.

Я стояла как вкопанная.

– Ты чего? Хочешь домой?

Я, молча, кивнула, и слезы снова проступили на глазах.

– Ну не плачь, малышка, – сказала девочка, которая была выше меня всего лишь на голову. – Сейчас вам раздадут новые красивые книжки, и отпустят. Твои родители наверняка ждут тебя возле школы.

Она снова взяла меня за руку, и отвела в класс.

Вкладывая в мое воспитание всю свою любовь и заботу, мои родители вырастили меня абсолютно не приспособленной к чужому равнодушию. Я оказалась не готова к миру, в котором я не занимаю первое место, так как у себя дома.

– Девочка моя, что случилось? – спросил встревоженный папа, забирая меня из класса.

– Ничего страшного, – вмешалась моя учительница. – Это

период адаптации. Такое бывает практически у всех детей. Пройдет немного времени, и она привыкнет. – Алла Ивановна погладила меня по голове. – Правда, Настенька?

Я молчала, как будто набрала в рот воды. Учительница снисходительно улыбнулась и удалилась.

– Пошли, – сказал папа, взяв меня за руку. – Сейчас придем домой, и ты нам все расскажешь.

Но не по дороге домой, ни дома, я ничего родителям не говорила. Я просто не знала, что им сказать. Боялась, что они разочаруются во мне. Как я могла им сказать, что я так и не рассказала свой первый стишок в классе, что не получила первую похвалу от учительницы, и что я не просто не стала самой лучшей девочкой в классе, а вообще оказалась всеобщим посмешищем. Я боялась, что они разочаруются во мне. Увидят, что я на самом деле не такая, какой они все это время меня видели, и тоже перестанут меня любить. И я молчала.

Меня усадили за праздничный стол. Принесли большой торт, который испекла бабушка, с моим любимым клубничным компотом, но я по-прежнему сидела, насупившись, ни с кем не разговаривая.

– Настенька, тебе не понравилось в школе? – спросила меня бабушка.

Я кивнула.

– Почему?

– Я больше никогда в жизни туда не пойду! – выкрикнула

я, и убежала в свою комнату.

И родители, и бабушка, по очереди приходили ко мне разговаривать. Я представляю, что они тогда чувствовали. Я никогда не капризничала. Не было повода. Мне и так все доставалось. И теперь они просто не знали, что со мной делать.

Я не пошла в школу ни на следующий день, ни через день. В семье началась паника. Они пригласили домой учительницу, чтобы та попыталась меня переубедить, но и у нее ничего не получилось. Папа первый раз в жизни повысил на меня голос, и попытался поднять меня силой, но я просто падала на пол, отказываясь вообще становиться на ноги. Сейчас я плохо помню, что тогда у меня было в голове, но одно я знаю точно, что чем больше я лежала дома, тем труднее мне было переступить через себя, и послушаться родителей.

Когда вечером я выходила в туалет, то слышала, как на кухне разговаривают мама и бабушка.

– Наташа, я говорю тебе, что у девочки испуг, или того хуже – порча. Надо выкачивать, – говорила бабушка таким серьезным голосом, как будто ставила мне страшный диагноз.

– Какой испуг? О чем ты говоришь? – вздыхала мама. – Она что, раньше детей не видела? И только не начинай, пожалуйста, снова о порче. Ты же знаешь, я не верю во все это. Нет. Мне кажется, придется везти ее в Киев к детскому психологу.

Да, только моим родителям могло прийти в голову

в 1988 году отвезти меня на консультацию к психотерапевту, а не надавать ремнем по мягкому месту, как это могли сделать другие родители.

– Ты что! Ты хочешь, чтобы за нашей Настюсей закрепились репутация психически больной? Я ни за что этого не допущу! Если в поселке кто-то узнает, это искалечит ей жизнь! – бабушка ударила ладошкой по столу, давая понять, что спорить с ней бесполезно. Она рассуждала так, полагаясь исключительно на свой жизненный опыт. В ее семье вообще было не принято бегать по врачам, а уж тем более – к психотерапевтам. Раньше, когда кто-то болел, первым делом, они шли к местной знахарке, и только потом, если та сама рекомендовала, то могли обратиться к врачу, но это было крайне редко.

– Неужели ты думаешь, что какая-то бабка поможет ей лучше, чем доктор? – не сдавалась мама.

– Во-первых, не какая-то, а моя троюродная сестра. И ты прекрасно знаешь, на что она способна, хотя и рассказываешь, что не веришь во все это. А во-вторых, это точно лучше, нежели упечь нашу девочку в психушку.

– Мама, какая психушка. С ней просто пообщается специалист, и все...

Дальше я не слышала, о чем они разговаривали. Я убежала к себе в комнату. Прекрасно понимая значение слова «психушка», я сильно испугалась. Неужели мама способна на такое? Неужели она меня отдаст? Выстукивало у меня в голо-

ве. Я поняла, что мое спасение, это бабушка. Нужно было держаться за нее.

Поздно вечером, когда все легли спать, я тихонько пробралась в ее комнату. Бабушка читала книгу, лежа в кровати.

– Настя? Ты, почему встала с постели так поздно?

– Бабушка, я не хочу в психушку! – взмолилась я, падая возле нее на колени и хватая за руку. Из моих глаз градом полились слезы.

– Настенька! Деточка моя! С чего ты взяла? Мы тебя никому не отдадим.

Бабушка Нюся поднялась с кровати и, посадив меня рядом с собой, обняла. Я уткнулась мокрым носом в ее ночную рубашку.

– Я пойду в школу. Обещаю, – сказала я всхлипывая.

– Конечно, пойдешь. Только сначала, мы с тобой съездим в один очень красивый город – Полтаву. Это моя родина. Место, где я родилась, и где родилась твоя мама. Нам нужно проведать одну мою родственницу, которую я не видела уже много лет. Хорошо? – спросила бабушка.

Я, молча, кивнула. Она уложила меня возле себя на кровать и, поглаживая по волосам, стала рассказывать сказку о маленькой принцессе, которая выросла, встретила своего принца, и он забрал ее из маленького королевства в большой мир, полный чудес. Это была моя любимая история. Засыпая, я уже видела себя в прекрасной карете, которая увозила меня в настоящую сказку.

Глава 3

Я окончила школу на золотую медаль. Учеба давалась легко. Каждый день, проведенный за учебниками, приносил мне не просто новые знания, а массу удовольствия. Я проглатывала книгу за книгой, открывая для себя другой, ранее не известный для меня мир. Всегда и во всем первая. Всегда лучшая. Все одиннадцать лет – староста класса. И поэтому, когда мы с Катькой, моей подругой, поехали в Киев поступать в Национальный Авиационный Университет на юридический факультет, я даже не сомневалась, что у меня все получится именно так, как я себе спланировала. Четко нарисовав себе картину своего будущего, я шла к нему, никуда не сворачивая.

Мы обе поступили. Я стала лучшей на курсе, особенно не перенапрягаясь. Катька все время дышала мне в спину. У меня иногда было такое ощущение, что она постоянно пытается меня догнать. Только разница между нами была в том, что я шла вперед уверенным шагом с высоко поднятой головой, а она бежала за мной, запыхавшись. Не знаю почему, но тогда я себе именно так это и представляла, и это меня смешило.

Когда я поступила в университет, папа купил мне однокомнатную квартиру в сталинке на Чоколовском бульваре. Если не было пробки, то я добиралась домой с учебы минут

за десять. Петренко Катька пролетела с общежитием, и поэтому ей приходилось ежедневно кататься на учебу на электричке. Иногда она, конечно же, оставалась ночевать у меня, но не часто. Ей, видимо, не хотелось напрашиваться, а я сама практически никогда ей этого не предлагала. Хотя мы с ней и дружили, у меня было категорическое мнение по поводу того, что каждый должен придерживаться своего мета в этой жизни. И для меня очевидным было то, что мое место было в столице, а Катькино в нашем поселке, ну или в другом каком-нибудь селе. Так что виделись мы с ней обычно только на парах.

До четвертого курса моя жизнь была размеренной и, можно сказать однообразной. Я действительно много занималась, и не только потому, что так было нужно, а потому, что мне это нравилось. Ночные дискотеки, и парни с запахом пивка меня не интересовали. Это был не тот уровень, который мне был нужен. И я решила для себя, что пока у меня нет возможности пойти в хороший ресторан, я не буду размениваться на разные забегаловки. Это же касалось и мужчин в моей жизни.

На второй половине пятого курса, нашу группу ожидал большой сюрприз. Одному из наших выпускников на конкурсной основе предлагали работу в одной из самых крупных строительных компаний столицы. Строительная индустрия в стране хорошо развивалась, и поэтому это была очень перспективная и высокооплачиваемая работа. Я сразу

поняла, что это работа именно для меня. Это был мой шанс, я не собиралась его упускать.

– Настька, ты себе представляешь, как это здорово, по-пасть сразу в хорошую крупную фирму, а не просиживать дни в какой-нибудь захудалой конторе! – щебетала Катька, с широко открытыми глазами. – За это стоит побороться.

– Да, ты права. Бороться есть за что, только мне кажется, что некоторым людям нужно реально оценивать свои возможности и понапрасну не рвать на себе волосы. Ну, чтобы потом еще больше не разочароваться.

Опережая друг друга, мы с Катькой покидали студенческий городок. Я думаю, мысли в тот момент у нас были одинаковые. Она точно так же как и я, хотела получить эту работу.

– Я что-то не поняла, Насть! – Катька остановилась и посмотрела на меня испепеляющим взглядом. – Ты это что, сейчас меня имеешь в виду?

– Да нет, что ты! – Я подбадривающее похлопала ее по плечу, немного подталкивая вперед, чтобы она шла дальше. – Мы с тобой кандидатуры номер один! Я имела в виду таких, как например, Ярик Попов или Олька Никитина. У них-то уж точно, никаких шансов нет. – Соврала я.

Катька облегченно вздохнула, и улыбнулась. Она действительно была сильной соперницей, но я тогда не стала ей говорить, что все равно с легкостью ее обойду. Не смотря на все

ее старания.

Мы подошли к троллейбусной остановке. Не смотря на то, что весеннее солнышко уже начинало пригревать, мартовский ветер все еще был очень холодным. Я застегнула свой стеганый пуховик под самое горло, и поправила шапку. Катя стояла скукожившись. На ней было выдавшее видов пальто, наверное, после ее мамы перешитое, и вязаная шапочка, которую она еще в одиннадцатом классе сама себе связала. Учебники она носила в полиэтиленовом пакете с фотографией Памелы Андерсон.

Н-да... Подумала я про себя. Катке, конечно же, хорошая работа не помешала бы. С тех пор, как ее отец с матерью приложились к бутылке, они все время еле сводили концы с концами. Мои родители даже помогали вещами ее младшей сестренке. Теми, что остались после меня. Ну а сама Катя, ходила уже, в чем попадет. Кое-что ей, конечно, покупала ее мама. Она хоть и пила, но была доброй женщиной. На что-то давала деньги ее бабушка. Ну а в основном, это были какие-то художества, которые она сама себе перешила из подручных вещей или связала. Я первое время подшучивала над ней, что ей нужно было не на юридический поступать, а в швейный. Но, получив за это однажды от своего папы, я извинилась, и больше так не делала. В какой-то степени я понимала, что мои слова ее обижают, но мне всегда было трудно сдержать в себе то, что как я считала, было, сущей правдой. И ведь не моя вина в том, что ее жизнь

складывалась именно так.

В общем, как бы мне не было жалко Катьку, уступать ей работу своей мечты я не собиралась.

– О, наш троллейбус! – радостно взвизгнула она, потирая раскрасневшийся нос.

Ехать нам было в одну сторону. Ей до Караваевых-Дач, а мне до Соломенки. Поэтому, так получалось, что я ее постоянно провожала. В холодную погоду мы ездили на троллейбусе или автобусе, а когда на улице было тепло, то ходили пешком. Если идти дворами, то до Караваевых-Дач получалось минут десять-пятнадцать, ну и еще столько же до моего дома.

Катька запрыгнула в троллейбус, а я следом за ней. Людей в это время было не много, так что мы спокойно устроились на сиденье. Катька мечтательно уставилась в окно.

– Смотри, какая машина! – вздохнула она восхищенно, показывая на иномарку, проезжавшую рядом. – Вот если бы получить эту работу, то можно было бы и себе такую купить.

– Ничего себе у тебя запросы! – причмокнула я, смотря на наивную Катьку. – Даже при такой работе, знаешь, сколько на эту машину нужно собирать? Не один год!

– Неважно. Зато появиться такая возможность. А сейчас я на что могу рассчитывать? В электричке и то через раз зайцем езжу.

Катька вздохнула.

– Да не расстраивайся ты так, – я попыталась ее подбод-

ритель. – Если не эта работа, то значит, будет какая-то другая. Ведь не зря же ты училась столько лет? Твоя семья надеется на тебя!

– Да, знаю я. Только ты меня так успокаиваешь, как будто у меня нет никаких шансов. А ведь тестирование только на следующей неделе, так что у меня есть еще время, как следует подготовиться.

Катка уставилась на меня своими мышиными глазенками. Я знала, о чем она сейчас думает, и мне совершенно не хотелось это слушать. Но мое чутье не подвело, она снова затянула свою песню.

– Ты Настька на все так смотришь, потому что тебе в жизни все достается легко. Родители для тебя никогда ничего не жалели. Да и везучая ты. То попадешь на какую-нибудь сногшибательную распродажу в магазине и за копейки купишь себе брендовых шмоток, то кто-то тебе билеты в театр дарит, то тебя освобождают от экзамена за активное участие в жизни университета и так далее... В общем, для простых смертных людей, как я, смотреть на все это просто невыносимо.

– Ты преувеличиваешь, впрочем, как всегда. – Я снизила плечами. – И к тому же, я тоже не сижу, сложив руки в ожидании чуда. Я знаю, чего хочу от этой жизни, может, поэтому мне и везет. Ну а вот ты! Сколько я тебе раз говорила не тратить своего времени на того придурка..., даже имени его произносить не могу. У него на лбу было написано –

НЕУДАЧНИК И КОЗЕЛ! – прошипела я, немного снизив голос.

– Я просто влюбилась. И откуда мне было знать, что он окажется... – Катька замолчала. Ее глазки забегали из стороны в сторону. Было видно, что она обиделась.

– И где сейчас твоя любовь? Ничего от нее не осталось, а только хвосты по учебе. Это еще хорошо, что у тебя брать нечего, а то я бы не удивилась, если бы он тебя еще и на деньги развел. – Катька в момент переменялась в лице. Я поняла, что затронула болезную тему. Мое предчувствие меня снова не подвело. – Так что, проще всего винить кого-то другого в своих неудачах, самой ничего при этом, не делая для того, чтобы твоя жизнь изменилась! – продолжила я, уже немного спокойнее.

Катька стрельнула в меня своими глазенками, и надула губы.

Я всегда чувствовала зависть с ее стороны, и научилась не обращать на это внимание. Иметь в этой жизни все, не вызывая спорных чувств у других, это просто невозможно. И меня это нисколько не смущало. По большому счету, мне было абсолютно все равно, что она думает.

– Да. Ты не виновата. Жизнь такая несправедливая, – сказала Катька, тяжело вздохнув. – Посмотри на себя. Длинные ноги. Большие голубые глаза. Шикарные русые волосы. Даже зубы у тебя идеальные, такие, как у голливудской звезды! – Она показательно хлопнула по своему полиэтиленовому па-

кету, на котором широко улыбалась Памела Андерсон.

Я рассмеялась, выставляя напоказ всем свои «голливудские зубы».

– Кать, прекрати. Тебе бы стало легче, если бы я была уродиной?

– Нет, Настя. Мне бы стало легче, если бы я, хоть на половину была бы такой красивой как ты!

Настя тыкнула в меня пальцем.

– Ты очень хорошенькая, – сказала я, и не соврала. Я действительно считала ее довольно симпатичной. Выразительные темно-карие глаза. Длинные каштановые волосы. Хорошая фигура. Она была миленькой, ну просто немного не ухоженной.

– Ты издеваешься? – ответила мне Катька, снова надув губы. – Слушай, Настя, уступи мне эту работу! – произнесла она неуверенно, протягивая ко мне свои руки.

Я уставилась на нее, широко распахнутыми глазами.

– Шутишь?

– Нет, не шучу. Ты думаешь, я не понимаю, что моя единственная соперница, это ты. А теперь посмотри внимательно сначала на меня, а потом на себя, как ты думаешь, кому они отдадут предпочтение?

– Ты считаешь, что эту работу я могу получить только благодаря своей внешности?

– Да, нет же. Конечно, нет. Просто умная и красивая, это всегда лучше, чем просто умная. Настя. У тебя и так уже есть

квартира. Я уверена, что после университета ты с легкостью найдешь себе не менее достойную работу. А что ждет меня?

Катька смотрела на меня глазами, полными отчаяния, и я не знала, что ей ответить. Я сидела с широко открытым ртом, и часто моргала. Неужели она действительно такая наивная? Неужели она думает, что можно так легко пожертвовать своим будущим, ради другого человека? Глупая. Все что ей нужно, это просто смириться с тем, что у каждого в этой жизни есть свое место, и ее явно не в той компании.

Катька помахала рукой перед моими глазами. Я на какое-то мгновение замерла.

– Вот черт! – выкрикнула она. – Моя остановка!

Катька сорвалась и подбежала к уже закрытой двери.

– Водитель, откройте, пожалуйста, – кричала она и стучала рукой в дверь. – Я не успела выйти! – но он не реагировал, и Караваевы-Дачи остались позади.

Я улыбнулась. Мне не было приятно, что она проехала, нет. Просто это было уже не в первый раз. Обычно я напоминала ей об остановке, но в этот раз, просто не смогла. Что ж, нечего было заваливать меня разными глупостями.

Троллейбус остановился, и Катька, помахав мне рукой, выскочила на улицу. Труся пакетом с учебниками, она побежала вниз по тротуару, чтобы успеть на свою электричку.

Глава 4

Петр Васильевич стоял посреди аудитории, и в его дрожащих руках был список с кандидатами, которые прошли предварительное тестирование на работу.

– Что ж, дорогие мои выпускники, – начал он, протяжным тоном. – Ваш учебный год подходит к концу, и скоро перед вами, благодаря знаниям, приобретенным у нас, откроются двери в светлое будущее. Но, кому-то из вас, повезет намного раньше. А именно тому, кто окажется счастливым, и пройдет собеседование в КиевГрадСтрой.

Петр Васильевич деловито поправил очки на своей переносице. Благодаря им, он имел представительный вид даже в своем сером потертом костюме с вельветовыми латками на локтях.

– У меня здесь список кандидатов, которые успешно сдали предварительное тестирование. Дальнейшая их судьба будет зависеть от личного собеседования, с представителем компании. – Петр Васильевич с умным выражением лица, поднес листок со списком к своим глазам. – Трубачева Анастасия, Соколенко Андрей и Петренко Катерина. Примите наши поздравления, и желаем вам успеха на собеседовании.

Катька сидела с сияющими глазами, и от избытка чувств, немного подпрыгивала на стульчике. Реакцию Андрея я не видела, но, наверное, он вел себя точно так же. Я по-преж-

нему нервничала. Еще одно собеседование. То, что я пройду это тестирование, я даже не сомневалась, но собеседование, это совсем другое. А вдруг, они отдадут предпочтение Андрею, только потому, что он мужчина?

Я нервно заерзалась, собирая книги в сумку.

– Насть, ты чего недовольна? – спросила Катька.

– Почему, недовольна? Я очень даже рада. Просто ожидание, это не мое. Если бы я могла, то прямо сейчас бы поехала в эту компанию. Пусть бы уже сказали: подхожу я им, или нет?

– Ну, ты и смелая! – восторженно ахнула Катька. – А я вот наоборот рада, что нам дали возможность привести немного свои мысли в порядок. Потому что, если бы собеседование нужно было проходить прямо сейчас, то я умерла бы от страха.

Я улыбнулась. Да, мы с ней совершенно разные.

Через неделю мы втроем сидели в приемной возле кабинета, в котором должна была решиться наша судьба. Андрей от нервов заламывал костяшки на своих пальцах. Это сильно раздражало. Катька сидела с открытым ртом, разглядывая обстановку, которая нас окружала.

Мягкие кожаные диванчики, на которых хотелось просто жить. Маленький стеклянный столик с огромной вазой, заполненной разноцветными леденцами. Бежевые стены, украшенные картинами и черно-белыми фотографиями. Все во-

круг говорило о абсолютно другой жизни, не о той, к которой мы привыкли. Но, в отличие от Андрея и Катьки, я абсолютно не нервничала. В этой обстановке я чувствовала себя как рыба в воде. Я чувствовала, это мое. У меня даже сложилось такое впечатление, что я здесь уже не первый раз. Как будто бы, я ежедневно захаживала в этот офис, и уже давно все здесь знала, и ко всему привыкла.

– Как ты думаешь, а эти конфеты настоящие? – спросила Катька, незаметно кивая в сторону вазы.

– Конечно настоящие, – ответила я.

– А зачем они здесь?

– Ну, ты даешь! Чтобы мы их ели! – подсказал Андрей.

– Да, ладно! – Катька недоверчиво покосилась. – Это, наверное, какая-то проверка. Кто возьмет конфету – до свидания. Вы нам не подходите!

Андрей рассмеялся. Я тоже еле сдержалась, чтобы не захохотать на всю приемную. Катька как всегда оказалась в своем репертуаре.

Прозрачные, тонированные матовым серебром двери отворились, и стройная симпатичная девушка пригласила Андрея в кабинет. Он поднялся, деловито поправил костюм, и удалился.

– О, Боже! Началось, – ахнула Катька. Ее нижняя губа дрожала.

– Скорее бы закончилось, – добавила я.

– Да, скорее бы.

Катька положила свои руки на мои.

– Настя. Ты извини меня за то, что я тогда наговорила тебе в троллейбусе. Ты же знаешь, что на меня иногда находит. На самом деле я хочу, чтобы ты знала, как бы там ни было, пусть победит сильнейший. И если это будешь ты, то я искренне буду за тебя радоваться.

– Спасибо, Катя. Я тоже буду за тебя счастлива, если эту работу получишь ты, – слукавила я.

Мы обнялись.

Двустворчатые двери открылись, и оттуда вышел раскрасневшийся Андрей. Девушка жестом позвала Катьку.

Собеседование прошло именно так, как я и ожидала. Я совершенно не переживала, потому что наперед знала все, о чем они могут меня спросить. Я, как всегда была собрана, и уверена в себе. И произвела хорошее впечатление на мужчину, который при разговоре со мной, то и дело облизывал свои губы. На его лысине поблескивали капельки пота, и мне казалось, что он нервничает даже больше, чем я.

– Спасибо, Анастасия. Очень рад был с вами пообщаться. Честно говоря, я даже не предполагал, что мы сможем найти в этом университете такое сокровище как вы. Вы идеальная кандидатура.

Я расценила это как победу.

– Но, окончательное решение, конечно же, принимаю все-таки не я. Мне предстоит доложить о ходе собеседования

своему начальству, и я практически не сомневаюсь о том, каково будет их решение.

Я довольно улыбнулась и вышла в приемную. Катька и Андрей смотрели на меня, часто хлопая ресницами.

– Ну, что? – первым спросил Андрей. – Этот Хомяк тебе что-то сказал? – прошептал он.

– То, что и всем. Окончательное решение они нам сообщат.

Мелодичный звонок лифта сообщил нам о том, что на этаж поднялся еще кто-то. Мы втроем повернулись в его сторону. Молодая красивая девушка, в обтягивающей до колен юбке, и белой блузе, шла, цокая высоченными каблукками. Ее светлые волосы были собраны в строгий хвост, но это абсолютно ее не портило. Она показалась мне настолько шикарной, что на какое-то мгновение моя уверенность, провалилась куда-то очень глубоко, а я почувствовала себя серой мышкой, наравне с Катькой. До этого мне еще не приходилось сталкиваться с девушками, которые явно были красивее меня. Мне почему-то захотелось провалиться сквозь все эти этажи, и убежать прочь, но желание добиваться своей цели, привитое мне с раннего детства, заставило меня обратиться и взять себя в руки.

Барышня, которая сидела на ресепшине, громко поздоровалась:

– Добрый день, Виктория Петровна.

Девушка, молча, кивнула головой.

В этот момент серебристые двери открылись, и из кабинета вышел лысый мужчина, который проводил с нами собеседование.

– Виктория Петровна, чем могу помочь вам? – Он протянул потную руку девушке, и снова облизал свои пересохшие губы. На нее он глядел точно так же, как и на меня.

Девушка посмотрела высокомерно в нашу сторону, не сказав, ни слова.

– А это, собственно, кандидаты на должность помощника нашего юриста, – как бы угадывая ее немой вопрос, ответил он.

– Ну и как. Кто, по-вашему, заслуживает эту должность? – спросила она надменно, пристально нас разглядывая.

Вот теперь я нервно сглотнула. Я не рассчитывала, что нам вот так вот скажут результат. Не хотела, чтобы при этом присутствовал еще кто-то.

– Собственно, у меня нет сомнения, что лидирует из всех кандидатов, – он нервно выдержал паузу, – бесспорно, Анастасия Трубачева. – Хомяк показал на меня дрожащей рукой.

Я гордо сделала шаг вперед.

Девушка бросила небрежный взгляд в мою сторону. Вздернув подбородок, и ничего больше не сказав, она направилась в кабинет, где проходило наше собеседование. Хомяк мелкими шажками побежал за ней, жестом показывая нам, чтобы мы подождали.

– Аркадий Александрович, вы, что с ума сошли! – выкрикнула она, когда двери за ними еще даже не прикрылись до конца. – Вы кого выбираете, юриста или себе любовницу?

– Ну, зачем вы так, Виктория Петровна. Эта девушка действительно очень умна. И к тому же, она достаточно уверена в себе, собрана, в общем, как раз то, что нам нужно.

– Вы мне не рассказывайте, что нам нужно. Нам нужен человек, который сможет круглосуточно просиживать на работе, если понадобится, а не ходячий манекен, который побежит домой, если у нее сломается ноготь.

– Эта девушка не такая. Она выросла в деревне. Очень трудолюбивая. Я читал ее биографию и рекомендации из университета, – не сдавался Аркадий Александрович.

– Нет! Вопрос решен. Она нам не подходит.

Ком подошел к моему горлу. Они говорили так громко, что нам было все слышно. Еще немного, и мне казалось, что я упаду. Это было забытое для меня чувство, которое возвращало меня назад в детство, в тот день, когда я первый раз пошла в школу.

Катька подбадривающее потерла меня по плечу.

– Выбирайте из двух оставшихся кандидатов. Это окончательно.

– А как же Петр Сафатович? – неуверенно спросил Хомяк. – Я думаю, что окончательное решение должен принять он.

– Вам надоело работать? – уже тише прошипела Викто-

рия, которую я у себя в уме прозвала – Мегера. Хомяк видимо сказал нет. – Папе не обязательно знать, что думаете вы. Выбирайте другую кандидатуру, и как можно лучше ему ее опишите, – выпалила она, и вышла из кабинета, одарив меня презрительным взглядом победительницы.

Хомяк бежал у нее по пятам.

– Виктория Петровна, тогда я думаю Катерина, как раз то, что нам нужно! – радостно выпалил он, подбежав к нам, вытаскивая Катьку за рукав вперед. Видимо он был решительно настроен, чтобы эту должность все-таки заняла девушка.

Мегера осмотрела ее с ног до головы.

– То, что нужно, – сказала она, снисходительно улыбнувшись, и колыхая своим тазобедренным суставом, удалилась.

Девушка с ресепшена вышла и вызвала ей лифт.

Мы продолжали стоять, как вкопанные, в прямом смысле этого слова. Во всяком случае, я. Как только Мегера скрылась с виду, Катька сзади меня довольно взвизгнула. Я окатила ее холодным взглядом, в котором даже не пыталась скрыть свое презрение.

Андрей почесал за ухом, попрощался со всеми, и тоже ушел. Он принял поражение, как настоящий мужчина.

Я не могла пошевелиться. Мне казалось, что Хомяк сейчас перепросит меня, и станет заверять, что все будет хорошо. Что место, по-прежнему, остается мое. Но он, пошептавшись о чем-то с секретаршей, молча, посмотрел на меня, и снизил плечами.

– Мы с вами свяжемся, – сказал он, обращаясь скорее к Катьке, чем ко мне.

У меня в голове шумело. Руки и ноги не слушались. Я, перекачиваясь с ноги на ногу, еле-еле подошла к лифту. Девушка с ресепшена нажала на кнопку и, убедившись, что Аркадий Александрович ушел, наклонилась, и прошептала мне на ухо:

– Не принимайте близко к сердцу. Эта вертихвостка, дочка генерального директора нашей компании. А ваш будущий начальник – ее любовник. Вот она и взбесилась. Охраняет свое добро.

Девушка подбадривающее подмигнула мне. Лифт приехал, и мы с Катькой зашли в него.

– Я так рада! Я так рада! – стала она щебетать, как только мы остались одни. – Ты не обижайся на меня, но я просто очень рада. – Подпрыгивала она на месте.

Я молчала. Мне нечего было ей сказать. Если бы я проронила хоть слово, то расплакалась бы, а это было не в моем духе.

Выйдя на улицу, мы разошлись в разные стороны. Катька еще что-то говорила мне, но я все равно ее не слышала. У меня в голове была только одна мысль: Как такое может быть?

Не помню, как, я приехала в свою квартиру, и по-быстрому собрав самые необходимые вещи, сразу же отправилась

на вокзал. Мне срочно нужно было увидеть бабушку Нюсю.

Глава 5

Я сидела в вечерней электричке. Ближайшая, на которую я успела, оказалась дальнего следования, и поэтому людей в ней было очень много. Тем не менее, мне как всегда досталось не самое плохое место под окном. Я любила там сидеть, потому что, во-первых, на тебя никто не наваливался с прохода, а во-вторых, было на что опереться, и вздремнуть. Но на этот раз мне не спалось. Сердце выстукивало барабанную дробь, и я все никак не могла успокоиться. Я не могла смириться с тем, что не получу того, чего хочу. Эта работа была моим реальным шансом изменить свою жизнь легко и быстро. Это совершенно другой мир. Мир, который пока от меня далек, но я заслуживаю, чтобы быть там. Так или иначе, я все равно рано или поздно туда попаду, но сейчас я понимала, что упускаю возможность добиться всего гораздо быстрее и легче. Без связей и рекомендаций, так просто такую работу мне сейчас не найти. На это может потребоваться немало времени. А я не хочу ждать. Я хочу ее сейчас.

Электричка ехала, как никогда медленно. У меня внутри все переворачивалось от нетерпения. Мне хотелось как можно скорее попасть домой. Не в силах больше сидеть на одном месте, я поднялась и попробовала протолкнуться в тамбур. Когда я протискивалась между дверями и парочкой неопрятных мужчин с устойчивым запахом спиртного, меня кто-то

дернул за сумку. Я повернулась, с огромным желанием наглубить.

– Привет, манюня! – весело поздоровался Сашка.

– Привет, – ответила я, облегченно вздохнув. – А ты как тут?

– Да, вот, давно не проводывал свою бабуку. А ты откуда?

– Я, можно сказать, из дому в дом.

– Как это?

– А вот так. Я теперь, как и ты киевская, – произнесла я с гордостью.

– Да ты что? Неужели замуж выскочила? – спросил Сашка, и схватил меня за руку, чтобы посмотреть, нет ли на ней обручального кольца.

– Нет, – ответила я, и выдернула свою руку обратно. – Мне папа квартиру купил, когда я в университет поступила.

– Ого! Молодец. Ну, то, что замуж не вышла, это хорошо. – Он улыбнулся.

– Тебе то, какое дело?

– Как это, какое? Потому что я на тебе жениться должен!

Старушка, которая стояла рядом, подслушивая нас, недовольно хрюкнула.

– Еще чего! – ответила я, и засмеялась. Разговор с Сашкой мне пошел на пользу. Во всяком случае, я немного отвлеклась от мыслей о своем неудачном собеседовании.

– Чего ты смеешься? – спросил он, претворяясь, что обиделся. – Я же говорил тебе, что когда ты вырастишь – поже-

нимся. А сейчас ты, по-моему, в самый раз невеста! – Он широко улыбнулся. – Да еще со своей квартирой!

– Держи карман шире! – ответила я, тоже широко улыбаясь. – Вот когда любила тебя в шестом классе, тогда и нужно было жениться. А сейчас – поезд ушел!

– Ну, посмотрим, посмотрим...

Мы шутили. Я знала Сашку давно. Казалось, сто лет. Он приезжал на выходные, и иногда на каникулы, к своей бабушке, которая жила с нами на одной улице. Сашка старше меня на четыре года, и когда я училась в школе, то он казался мне тем самым прекрасным принцем, который должен был забрать меня из нашего скучного поселка. В шестом классе, я написала ему записку с признанием в любви. Он воспринял ее достаточно серьезно. Не стал надо мной смеяться, и рассказывать об этом другим ребятам, а пообещал мне, что когда я вырасту, то обязательно жениться на мне. Он повел себя по-джентельменски. Но, несмотря на это, я в свою очередь успела ему отказать, когда мне было семнадцать. Тогда я уже четко понимала, что столяр не может быть принцем, и рядом с таким мужчиной я не получу того, о чем мечтаю.

– Чем сейчас занимаешься? Все еще учишься? – спросил Сашка, прерывая мои воспоминания.

– Да. На последнем курсе.

– Понятно, – он кивнул головой.

– А ты? – спросила я в свою очередь.

– У меня сейчас своя мебельная фирма. Небольшая, прав-

да, ну ничего. Мы потихоньку растем. Скоро собираюсь машину купить...

– Новую?

– Да, нет. На новую, пока не заработал. Б/У, но зато иномарку.

– Молодец, – похвалила я его «неземные достижения» в 27 лет.

Электричка тем временем уже подъезжала к нашей станции. Мы стали пробираться поближе к дверям.

– У тебя сумка тяжелая, давай помогу, – предложил Сашка, когда мы вышли на улицу.

– Бери.

До моего дома нужно было идти около километра, и Сашка все это время развлекал меня веселыми историями. Я, если честно, была рада, что встретила его. Даже не представляю, как бы я справилась со своими чувствами, находясь столько времени сама с собой наедине. Моя голова наверняка бы уже до сих пор взорвалась. Представляю, в каком виде я бы предстала перед своей семьей.

– Ну, вот мы и пришли, – неловко сказал Сашка, протягивая мне сумку. – Может, как-то погуляем вместе? – спросил он вполне серьезно, опуская глаза в землю.

– Может, – ответила я, точно зная, что этого не будет.

Он наклонился и поцеловал меня в щеку. Мы разошлись.

Я зашла во двор. Барсик радостно заскулил. На кухне

и в прихожей горел свет. Родители не знали, что я должна приехать. Я никогда не приезжала посреди недели, как сейчас.

Когда я вошла в дом, мама, которая как раз стояла возле раковины с посудой, при виде меня, выронила миску на пол.

– Настенька, что-то случилось?

Она, похрамывая, пошла мне навстречу.

– Все в порядке, мамочка, – сказала я, бросая сумку с вещами на пол. – Я просто соскучилась.

На шум падающей миски, на кухню вышел папа и бабушка. У них была такая же реакция, как и у мамы. И теперь мне пришлось успокаивать всю семью. Но, как бы я не старалась, мне почему-то никто не верил. Видимо меня выдавал мой растерянный взгляд.

– Ну, что ж, – сказал папа, – если у всех все хорошо, тогда давайте ужинать и отдыхать.

Папа всегда был умным мужчиной, и он понял, что расспросы здесь бесполезны.

Мы втроем поужинали в гостиной, как в старые добрые времена, и я пошла к себе в комнату. Мне нужно было дождаться, когда родители лягут. Я не могла найти себе места в спальне.

Открылась дверь, и ко мне вошла бабушка. Она смотрела на меня немного сердитым взглядом.

– Что случилось? – коротко спросила она.

– Я не прошла собеседование, – ответила я, практически

шепотом.

– Как? – Бабушка посмотрела на меня изумленными глазами. – Как так получилось? – Видно было, что она расстроилась не меньше моего. Для бабушки это также оказалось неожиданно. Она всегда верила в меня и не сомневалась в моем успехе.

И я обо всем ей рассказала.

Бабушка села возле меня на кровати, и положила свою горячую сморщенную руку на мою.

– И все? – спросила она, качая головой. – И это все, что произошло? И из-за этого ты чуть не довела свою мать до очередного инфаркта?

Я закивала головой, шморгая носом.

– Настя. Ты не должна расценивать это, как проигрыш, – продолжала она говорить серьезным голосом. – Ты, как всегда, оказалась лучше. Только бывают ситуации, когда людям не нужны лучшие, а нужны вот такие вот серые мышки, как твоя Катька.

– Но я хочу эту работу!

– Может быть, судьба приготовила для тебя что-то интереснее? – пыталась успокоить меня бабушка, но все ее слова и уговоры были напрасны. Я не могла смириться с тем, что мне не достанется столь желанное место. Где-то глубоко внутри я чувствовала, что непременно должна там работать. – Тебе пора учиться уступать. Иначе просто нельзя. Иначе, тебе будет очень сложно жить...

Я отрицательно закачала головой.

– Но я хочу ее! – снова повторила я эти слова, как заклятие.

– Настя, пусть работа достанется Кате, – попросила бабушка. – Ты найдешь себе другую, и может даже лучше.

Я посмотрела на нее глазами, полными непонимания. Как бабушка может такое говорить?

– Нет! – выкрикнула я. – Ты не понимаешь! Это моя работа, и я хочу ее! Помоги мне, пожалуйста, – взмолилась я к ней.

Бабушка тяжело вздохнула.

– И что ты хочешь, чтобы я сделала?

– Ты знаешь... Позвони бабе Мотре, – прошептала я с надеждой. – Она поможет мне, как тогда в детстве. Я знаю.

Бабушка молча посмотрела на меня, а потом произнесла:

– Хорошо. Только пообещай мне Настя, что внимательно выслушаешь все, что она тебе скажет. Каждое ее слово, должно надежно отложиться у тебя в голове. Ты выслушаешь ее, топом хорошенько все обдумаешь, и если твое решение не измениться, то работа будет твоя.

Я, молча, закивала головой. Но, если честно, я тогда не совсем хорошо понимала, о чем говорит моя бабушка. Я услышала только одно – работа будет моя.

Ночь я спала беспокойно. Рано утром мне нужно было ехать в Полтаву. Родители ничего об этом не знали. Мы с ба-

бушкой все обдумали, и решили, что на этот раз я поеду одна, чтобы они ничего не заподозрили. Мама с папой думали, что я уезжаю на учебу. Бабушка с утра пораньше должна была перезвонить бабе Мотре, и предупредить о моем приезде.

Всю ночь мне снилось, что я уже в дороге. Снилось Полтава. Потом снилось, что я прохожу собеседование, а принимает у меня его Катька. Под утро, когда уже нужно было просыпаться, мне приснилось, что за мной приехал черный лимузин прямо к дому бабы Мотри, и забрал меня на работу...

Глава 6

Скоростной поезд, в котором я ехала домой в Киев, казалось, тащился по рельсам, не смотря на то, что пейзажи за окном менялись очень быстро. У меня было такое ощущение, что я в дороге уже целую вечность. Все тело ломило, от бесконечных часов, проведенных в сидячем положении. Мне хотелось спать, но из-за шума, окружавшего меня, это было невозможно. Голова раскалывалась.

Когда я услышала, как объявили железнодорожный вокзал Киев, то буквально слетела со своего места, забыв о боли в суставах. Мне хотелось вырваться на свободу из пасти этого металлического монстра.

Поезд остановился, и я еле передвигая костылями вместо ног, доковыляла до первого таксиста. Мне было все равно, что придется значительно переплатить, потому что я не готова была пройти еще хотя бы метр к автобусу. Пузатый дядька, который как раз докуривал сигарету, молниеносно выхватил у меня сумку, и забросил ее в багажник. Он даже не дал мне возможности поторговаться, хотя я и так не стала бы этого делать.

– Садитесь, барышня, – протараторил он весело, видимо обрадовавшись, что «поймал» пассажира, и сам, втянувши немного пузо, залез за руль. – Я вас в два счета доставлю к месту!

Еще бы, подумала я. Ведь ехать от вокзала до моего дома, совсем ничего. А за ту цену, что он загнул, я бы могла месяц кататься на автобусе. Но, что сделано, то сделано, и я при-
мостилась на заднее сиденье автомобиля. Я специально села так, чтобы он случайно не начал со мной разговаривать. Хотя я раньше и не часто ездила на такси, но, все же приходилось. И то ли все таксисты такие, толи мне постоянно везло, но я успела невзлюбить их особенность лезть в чужую душу, или изливать свою.

За окном автомобиля было уже совсем темно. Дорогу освещали ночные огни Киева. Я смотрела на них с замиранием сердца, как на какое-то необыкновенное чудо. Мне казалось, что эти огни, это моя дорога к совершенно другой жизни, той о которой я всегда мечтала. Для меня это было то королевство, в которое всегда мечтала попасть маленькая принцесса. И я знала, что где-то здесь, среди этих ярких огней, живет и мой принц. Это был мой город, и мне так хотелось, чтобы он меня принял. Чтобы стал таким же родным, как наш дворик в Калиновке, и распахнул передо мной все свои двери.

День оказался трудным. Я гордилась собой, потому что проделала сегодня огромный путь, до Полтавы и обратно.

Таксист остановился возле моего подъезда, и повернулся ко мне в ожидании оплаты.

«Чтоб тебе пусто было!» – подумала я со злостью, протягивая купюру в жадные руки водителя. Выражение его лица

в тот же миг изменилось. Довольная улыбка исчезла.

– А без сдачи не найдется? – сказал он недовольно.

– Нет, не найдется. Разве у вас не должны быть с собой разменные деньги?

– Милочка, вот из-за таких умных, как вы, у меня уже ничего не осталось. Как будто с ума сошли сегодня все, одни крупные купюры суют. Я уже замучился бегать разменивать. Давайте ищите другие деньги, или бегите куда-нибудь в ларек, меняйте. Иначе не разойдемся. Только побыстрее, иначе придется еще платить за простой.

– Ну, по-моему, это ваша проблема, что у вас сдачи нет, а не моя. Я никуда не пойду. К тому же, в это время здесь ничего не работает, а до ближайшего круглосуточного магазина метров пятьсот точно.

Раздражение нарастало. Мне хотелось как можно скорее вырваться из лап этого неприятного типа, но, похоже, это было не просто.

– Ну, вот, приехали, – казалось, он сейчас взорвется. Мне стало немного страшно. Но, вдруг, реакция мужчины мгновенно изменилась, изменился и тон его голоса. – А, в общем, чего это я? Хотел же все равно ехать уже домой, я, кстати, недалеко живу. Через несколько улиц. Обрадовался, когда услышал, что вы из моего района. Все же не в пустую. Но, значит не судьба. Считайте барышня это моим вам подарком. – Водитель протянул обратно мою купюру. Не понимая, что происходит, я быстро взяла ее и выскочила из машины,

пока он не передумал. Сильно хотелось домой.

Расстояние от подъезда до квартиры я преодолела бегом. Мне не терпелось попасть уже в родные для меня стены. Выбежав на третий этаж, и достав по дороге ключи, уже через полминуты я была дома.

Бросив сумку у входа, и, разувшись, я сразу направилась в ванную комнату. Как же мне хотелось, чтобы она уже была набрана, но нет. Я включила воду на максимальный напор, но ванная все равно наполнялась медленно. У меня не было сил ждать. Я сбросила с себя одежду на пол, и залезла в нее.

Вода медленно поднималась, постепенно накрывая мое тело, и лаская кожу. Мне было так хорошо. Я наконец-то могла расслабиться и спокойно подумать обо всем, что сегодня со мной произошло.

Дорога до Полтавы оказалась на удивление быстрой, потому что как ни странно, я уснула, и почти все время проспала. Наверное, так на меня повлияла практически бессонная ночь, и ранний подъем.

К бабе Мотре я тоже попала без особых трудностей. На вокзале меня встретил ее внук, а дальше мы поехали на его Жигули. И он, и я всю дорогу молчали. За окном мелькал старый и красивый город. Я успела заметить его лишь краем глаза, потому что мои мысли были заняты совершенно другим. Все время я пыталась представить себе, что же я ей скажу, и сможет ли она мне помочь.

Скрипнула деревянная калитка, и я оказалась во дворе, в котором много лет назад была вместе со своей бабушкой.

– Здорова була, дитино.

Баба Мотря стояла в пороге и встречала меня.

– Ходь, ходь, сюда, – повторила она.

– Здравствуйте, – ответила я, и последовала за старухой.

Последний раз я ее видела, приблизительно четырнадцать лет назад. Это немало, но баба Мотря за это время абсолютно не изменилась. Мне показалось, что она даже одета в ту же самую одежду, что и тогда. Я шла за ней через комнаты, которые тоже остались такими же, как и много лет назад, пока мы не добрались в самую маленькую и самую темную комнатушку. Баба Мотря показала мне на стул в ее центре, и я послушно на него села. Она велела мне закрыть глаза. Дальше, минут пятнадцать, я сидела, молча, пытаюсь представить себе, что сейчас делает старуха.

Она ходила вокруг меня. Что-то шептала. Я почувствовала запах горелой свечи. Потом меня как будто чем-то больно кольнуло в спину. Я вскрикнула, и открыла глаза.

– Не бойсь, не бойсь. Це мине. А ось тут, – она показала на мое сердце, – тут загоюється дуже довго. Так чоґо тобі треба?

Я хотела что-то сказать, но баба Мотря снова меня перебила.

– Знаю, знаю. – Старуха закивала головой. – Заговор, який я на тебе колись читала, вже утратив свою силу... Але він

більше тобі не потрібен. Ти вже і так достатньо сильна і розумна. У тебе тепер і без нього усе складеться.

– Не получается... Ничего у меня не получается. – В моем голосе звучало отчаяние. – Я проиграла там, где не имела никакого права пригрывать.

– Соперниця?

– Да. Только на кону нечто другое. Нечто более важное для меня сейчас, нежели любовь. На кону мое будущее.

– Добре. Я навчу тебе, що робити. Але знай, гріх за всі наслідки буде лежати на твоїй душі, і тобі за них відповідати. Ти згодна? – голос бабки заставлял дрожать каждую клеточку в моем теле. Меня бил озноб, но никакое чувство страха не могло меня остановить. Я приняла решение, и готова была на что угодно, лишь бы получить желаемое.

– Да, – тихо вырвалось из моей гортани. Я тяжело выдохнула и добавила. – Я хочу еще...

– Що? – перебила меня бабка.

– Заговор... Вы сказали, что он уже ослаб. Я хочу, чтобы вы сделали такой сильный заговор, какой еще никогда в жизни не делали. Я всегда должна быть номер один! Во всем!

– Ти сама розумієш, про що просиш?

– Да.

– Добре, – как-то сильно просто согласилась баба Мотря.

Я облегченно вздохнула. Слава Богу, мне не пришлось больше выслушивать от нее никаких предостережений. Моя самоуверенность и так была на грани.

Баба Мотря стала у меня за спиной. Погасила свечу, и мы оказались в полной темноте. Я слышала, как она что-то шепчет мне на ухо, но я не могла понять, ни единого ее слова. Этот шепот глухим эхо отдавался в моей голове, и как будто отскакивал от нее. Меня стало подташнивать. Я почувствовала, что еще чуть-чуть, и упаду. Но, баба Мотря вдруг схватила меня за плечи, и сильно вздернула. Я хотела крикнуть, но сдержалась. Мурашки пробежали по всему моему телу, и мне уже казалось, что надо мной стоит не одна баба Мотря, а сразу несколько. И все они шепчут. В комнате было темно, но я все равно, что есть силы, зажмурила глаза, так, как будто это могло мне чем-то помочь.

– Вставай дитино.

Я послушно поднялась. Баба Мотря открыла двери, и в комнате сразу стало светлее.

– Ёсти будеш?

Я кивнула. Мне на самом деле очень хотелось есть. Баба Мотря вышла из комнаты, и направилась на кухню. Я послушно пошла за ней. Она жестом показала на стул, возле стола, и стала насыпать мне юшку.

Я с любопытством рассматривала комнату, вокруг себя. Это была единственная комната, в которой произошли изменения за эти годы. С одной стороны, все в ней было, как и много лет назад: белые стены, вышитые занавески, на единственном окне, огромная печка в углу. Только печка больше не топилась, а суп, который мне насыпала баба Мотря, стоял

на обычной газовой плите. В углу комнаты я увидела большой холодильник. Да, видимо цивилизация дошла и до современных колдуний. Не знаю почему, я про себя улыбнулась.

Баба Мотря поставила передо мной юшку, и дала мне хлеба и сала. Я съела только суп. Поблагодарила ее, и нерешительным шагом направилась к выходу.

– Стасік тебе доведе до вокзалу, – сказала мне бабка в след.

Стасик действительно уже ждал меня возле калитки. Я медленными шагами шла через двор. Немой вопрос застыл у меня на губах. И когда я уже наконец-то решила спросить, баба Мотря сама мне выкрикнула в след.

– Приїдеш додому, все будеш знати!

Камень спал с моей души. И я уже быстрыми шагами покинула двор бабы Мотри.

Дома, лежа в своей ванной, и вспоминая, все, что со мной было, я вдруг четко поняла, что мне нужно делать дальше. Я как будто снова слышала шепот бабы Мотри у себя над головой, только на этот раз, я поняла все, что она мне говорила. Она научила меня, как можно избавиться от соперницы. Теперь я знала, что нужно делать, но вместе с этим знанием, я приобрела и сильное сомнение, которое изо всех сил стало грызть меня изнутри. Это был страх.

Глава 7

– Настька, что-то ты какая-то не такая. Что с тобой? Ты что заболела? – навалился на меня шквал вопросов от Катьки, как только закончилась первая пара.

– Нет. Просто не выспалась, – ответила я честно.

– Понятно. Почему тебя вчера не было? – задала она вполне логический вопрос. Ведь до этого, я практически никогда не пропускала учебу.

– Дела были.

– Ну, не хочешь говорить, и не надо. А я вчера видела Сашку. Он рассказал мне, что ты была в поселке.

– И что?

– Ничего. Не понимаю, почему ты мне ничего не сказала, могли поехать вместе.

– Мне все равно нужно было заехать на квартиру и взять какие-то вещи, – оправдалась я.

– Ну, ладно. – Катька пожала плечами. – Ты что, обижаешься на меня из-за того собеседования?

– Нет, – коротко ответила я.

Мы собрали учебники, и направились в другой кабинет. Когда мы поднимались по лестничной клетке, Катька шла впереди меня. У нее на спине змейкой свисало пару оторвавшихся волосков. Слова старухи эхом всплыли в моей голове. Я осторожно протянула свою руку, и собрала опавшие воло-

сы.

– Ты что делаешь? – спросила Катька, почувствовав мое прикосновение.

– У тебя вся спина в волосах, – ответила я, запинаясь. – Вот я их и убрала. – Мои щеки покраснели.

– Да? Спасибо, – поблагодарила Катька, продолжая бежать по ступенькам. Она даже не заметила, что я все еще продолжала держать ее волосы в своих руках.

Я осторожно засунула руку с волосами в карман толстовки. Мое сердце в это время выпрыгивало из груди. Мне было страшно и стыдно. Мы подошли к кабинету, и Катька, как всегда продолжала что-то щебетать, но я не только не слышала ее, я не могла поднять на нее глаза. Моя рука по-прежнему сжимала ее волосы в кармане.

– Насть? – Услышала я, как сквозь туман, что Катька меня зовет.

– Что? – растерянно спросила я.

– Нет, ну ты и впрямь, наверное, заболела. Посмотри на себя, ничего не слышишь, ничего не видишь. – Катька подошла ко мне ближе и хотела потрогать мой лоб, но я шарахнулась от нее, как перепуганная. – Ты раскраснелась. У тебя наверно температура, – сделала она свои выводы.

– Наверное, – ответила я, отступая назад. Мне действительно было не по себе, только я точно знала, что причина в другом. – Слушай, – обратилась я к Катьке, – я, пожалуй, поеду домой. А то что-то мне совсем не хорошо.

– Правильно, – поддержала она меня. – Нечего приносить себя в жертву учебе. Езжай и лечись. А хочешь, я поеду с тобой, и помогу тебе?

– Нет, спасибо, – ответила я.

– Как хочешь. Тогда, пока!

Я кивнула, и поспешила покинуть университет. Катька, похоже, немного обиделась. Ей, наверное, как и мне, совершенно не хотелось сидеть на парах.

Пасмурное небо встретило меня мелким дождем. Оно как будто знало, что я собираюсь сделать, и сердилось на меня за это. Я продолжала бежать к автобусной остановке, сжимая в своих руках несколько волос Катьки. Где-то, в глубине подсознания я слышала: «Не делай этого. Остановись, пока не поздно. Ты сошла с ума. Ты просто сошла с ума». Но я сразу же, сама пыталась заглушить в себе эти мысли. Все будет хорошо. Успокаивала я себя. Я получу эту работу, и моя жизнь изменится. Я тоже буду иметь все, как эти дамочки на иномарках. Я не хуже их. Я тоже на это заслуживаю. Простая жизнь, не для меня. Я хочу все! А Катька... У нее и так все будет нормально. Найдет себе другую работу. Выйдет замуж за какого-нибудь рядового менеджера. Родит детей. Такая работа не для нее. Ей не нужны огни Киева...

Я думала об этом всю дорогу домой, чуть не проехала свою остановку. Выскочив в последнюю минуту, я направилась к дому. Уже находясь у себя в квартире, я достала руку с кармана, и разжала кулак. На моей ладошке лежа-

ло несколько длинных черных Катькиных волосков, а рядом с ними было четыре синих следа, от моих ногтей. Теперь нужно было только дождаться полночи. Сейчас я немного пожалела, что ушла из университета. Впереди меня ждал долгий день раздумий и сомнений.

Я не стала снимать обувь и куртку, а сразу направилась в комнату. Села на диван, в растерянности, не зная, что делать дальше. Как замороженная смотрела на Катькины волосы. Неужели я на самом деле буду заниматься таким?

Раздался телефонный звонок. В такое время меня никогда не бывает дома, поэтому я понятия не имела, кто это может быть. Я не спеша, встала. Осторожно положила волосы на чистый лист бумаги, который нашла у себя на этажерке, и подняла трубку.

– Алло!

– Настюша, как ты деточка? – Услышала я голос своей бабушки.

– Ба? Откуда ты узнала, что я дома?

– А я и не знала. Просто почувствовала, что надо тебе позвонить, и не ошиблась. Почему ты дома?

– Я уже пришла с университета. Отменили несколько пар, – соврала я, чтобы не огорчать бабушку.

– Как ты съездила?

– Все нормально.

– Ты уверена? Мотря тебе что-то сказала?

– Да. Сказала, что все будет хорошо, – ответила я. Мне

почему-то совершенно не хотелось посвящать бабушку в то, что Мотря сказала мне сделать. Она могла не одобрить этого. И стала бы меня отговаривать, а я и так сомневалась.

– Ну и славно. – Бабушка облегченно вздохнула. – Если Мотря сказала, что все будет хорошо, значит, так оно и будет.

– Ба, – начала я неуверенно. – Может, нужно было все-таки ей что-то дать? Мне было так неудобно.

– Настя, ты что? Мотря моя троюродная сестра, а значит в какой-то степени твоя бабушка тоже. Так что, она бы и сама у тебя ничего не взяла. Не переживай об этом понапрасну.

– Хорошо, не буду. Только не понимаю...

Я замолчала.

– Что именно?

– Почему она делает такое людям, а сама... Да и ее семья... Я видела ее внука, он был на Жигули. Если она способна на такие вещи, то почему не поможет своей семье?

– Настя, у всех людей разные потребности. У них есть все, что им нужно. Когда-нибудь ты это поймешь.

Я не понимала, да и не хотела. Меня целиком и полностью устраивало мое восприятие мира. А в нем я была центром всего, и значит все вокруг должно быть для меня и ради меня.

Я попрощалась с бабушкой, и положила трубку телефона. Ощущение растерянности и не собранности не прошло, а, наоборот, с ее звонком еще больше усугубилось. Раньше со мной такого не было. Я всегда знала, чего именно хо-

чу от жизни, и никогда не сомневалась в своих действиях. У меня были грандиозные планы. Начиная от хорошей квартиры в центре, и заканчивая кругосветным путешествием. Мне по-прежнему хотелось иметь в жизни все самое лучшее, только теперь я понимала, как это много. Теперь я знала, что так просто, как это удавалось мне в детстве, этого не получить. А мне хотелось все. Мне хотелось увидеть мир. Мне хотелось ходить в дорогие рестораны, одеваться в хороших магазинах, и выглядеть не хуже, чем та Мегера из КиевГрад-Строя. Я еще пока не имела ничего этого, а уже не представляла себе другой жизни. Если бы мне точно стало известно, что ничего этого я не получу, что мне предназначен совершенно другой жизненный путь, то просто напросто потеряла бы интерес к жизни. Я не готова жить иначе. Не хочу, и не буду.

Время тянулось как резина, и мне срочно нужно было чем-то заняться. Я, наконец-то, сняла с себя курточку и ботинки и, чтобы скоротать время, стала убираться в квартире. В принципе, я просто ходила из одного угла в угол, перебирая какие-то вещи, которые и так были аккуратно сложены, и мне по-прежнему было не по себе. Я подошла к магнитофону, и включила его как можно громче. Иванушки затянули свои «Тучи». Мои ноги сами потянулись в пляс. Я стала танцевать и кружиться по комнате, подпевая под кассету. Если бы меня кто-то увидел в этот момент, то подумал бы, что я сумасшедшая. Возможно, так и было. Возможно, в этот

момент я и была немного сумасшедшая.

Песня закончилась, и я упала на диван. Голова кружилась. Как бы я не старалась заглушить звуки, которые из нее доносились, у меня ничего не получалось. Это была моя совесть. Она уже сутки пыталась ко мне достучаться, устроив в моей голове настоящий хаос. Мне стало немного страшно. Если я сейчас не могу найти себе место, то, что будет потом? Что меня ждет дальше?

– Бред! – выкрикнула я, пытаюсь перекрыть музыку. – Это мое место! Это я прошла собеседование, и это Катьку сейчас должна мучить совесть!

Я взяла подушку и накрыла ней голову. Никогда не думала, что мне будет так тяжело принять такое, казалось бы, простое решение. Но, главное, что я ни на секунду не сомневалась в том, что я все равно это сделаю. Я сделаю то, что сказала мне баба Мотря. А с Катькой все будет в порядке... Так почему же я себя так мучаю? Почему, моя совесть не перестает меня мучить? Почему, она просто не смирилась с этим?

Наверное, потому, что мне самой до конца не верилось во все то, что я собиралась сделать. Мне все и всегда в жизни давалось легко. И при этом, практически не приходилось прилагать особых усилий. В школе я училась лучше всех, одевалась лучше всех. Все было просто. Но когда я поступила в университет, я поняла, что до действительно хорошей жизни мне еще очень далеко. Да, я по-прежнему была луч-

шей студенткой. И если меня сравнивать с Катькой или с ее подобными, то и во всем остальном у меня тоже все было довольно неплохо. Хорошие вещи. Своя квартира. Но, если посмотреть на Наташку Павленко, то я никто. Она приезжает в университет на своей новенькой Маздочке. Минимум два раза в год отдыхает за границей. И что, что у нее не самые лучшие оценки, они все равно не плохие, потому что ее папа «подмазал» где надо. А после университета ее ждет работа, которая даже намного круче той, которую я хочу получить.

Я не привыкла довольствоваться малым. Я по-прежнему хочу все самое лучшее, как когда-то в школе. И я все для этого сделаю.

Глава 8

Окна в квартире были завешены покрывалом и плотно зашторены так, чтобы свет с улицы совершенно не мог попасть в комнату. Я стояла на коленях перед мерцающей свечкой, и сматывала Катькиными волосами кусочек бумажки, на котором было написано ее имя. Заклинание, которое мне нашептала баба Мотря, глухим эхо разносилось по всей квартире. Я повторяла его снова и снова. И вот уже баба Мотря шептала его вместе со мной. Десятки ее теней кружили вокруг меня и свечки. Я замолчала, но заклинание все равно продолжало звучать, из каждого уголочка моей комнаты. Страшно. Но я собралась, дрожащей рукой поднесла листик бумаги к свече и подожгла его. Он вспыхнул в моих руках ярким факелом, и через секунду погас, вместе со свечкой. Я провалилась во тьму...

Меня разбудил телефон. Я сквозь сон слышала, как он назойливо пищит, но никак не могла открыть глаза. Голова раскалывалась. У меня было такое ощущение, что я не спала всю ночь, и только под утро уснула. Телефон замолк, и я с облегчением вздохнула. Понемногу до меня стало доходить то, что произошло сегодня ночью. Неужели это был сон?

Я резко поднялась и повернула голову вправо. В нескольких метрах от кровати стоял стул. На нем стояла миска,

в которой лежали остатки огарков. Значит это, все-таки был не сон. Я сделала все так, как научила баба Мотря. Теперь оставалось просто ждать.

Окна по-прежнему были плотно зашторены, и поэтому в комнате царил полумрак. Я поднялась с кровати, чтобы открыть их. Снова зазвонил телефон.

– Кто это может звонить так рано? – нотки тревоги посетили мою душу. – Может, уже подействовало?

Я подбежала к телефону и подняла трубку.

– Алло, Настя?

– Папа?

– Настенька, случилось горе, – я услышала, как его голос дрожит. Было понятно, что он плакал. – Бабушка умерла...

Телефон выпал из моих рук. Мое сердце вдруг перестало стучать. Его как будто кто-то зажал в тески с такой силой, что глухая боль разнеслась по всему телу, в каждую его клеточку. Я упала на колени, и слезы градом хлынули из моих глаз. Я не плакала. Я выла.

Не знаю, сколько я так просидела. Может десять минут, а может и час. Я перестала ощущать время, и только когда мне просто больше не было чем плакать, я снова подняла трубку. Папа по-прежнему был на проводе.

– Папа..., – прошептала я, всхлипывая.

– Настя, держись дочка.

– Папа, как мама?

– Плохо, – неуверенно ответил он.

– Я еду.

Я быстро собрала свои волосы в конский хвост, первой попавшейся резинкой. На голые ноги натащила синие джинсы, а наверх черную водолазку. Когда я взяла ее в руки, с моих глаз снова полились слезы. Я не могла поверить в то, что это произошло на самом деле. Мне казалось, что это какая-то огромная ошибка. Что моя бабушка жива. Может быть, она заболела. Может даже упала в кому, но она жива...

Я стояла возле подъезда, переминаясь с ноги на ногу. Такси все не было. В моей голове была только одна мысль, которая затмевала все остальные: «бабушки больше нет». Я часто сглатывала слюну, потому что большой ком стоял у меня посреди горла, не давая нормально дышать. Сдерживать слезы было все труднее. Перед заплывшими глазами стоял туман.

Машина наконец-то подъехала. Я залезла на заднее сиденье и дрожащим голосом повторила адрес, который перед этим назвала оператору. Только бы водитель не приставал с расспросами. Не хотелось плакать перед совершенно незнакомым человеком. Я тихо забилась в угол, чтобы не привлекать к себе внимание, и практически уткнувшись носом в стекло автомобиля, снова заплакала. Я больше не могла контролировать этот поток. Время от времени слезы пересыхали, было ощущение, что мне уже просто нечем плакать, но стоило вспомнить какую-то мелочь, связанную с бабушкой, и слезы с новой силой омывали мое лицо.

Слава Богу, водитель попался не разговорчивый, и мы так

и ехали до самой Калиновки, не проронив друг другу ни слова. Мне показалось, что мы доехали за пять минут. Вот только машина выехала за черту города, и вот, мы уже в поселке. Возможно, мне просто хотелось оттянуть это время, когда тяжелая правда бесповоротно упадет на мои плечи. Когда пути назад не будет, и мне нужно будет осознать, что ее больше нет...

Я рассчиталась с водителем, и еще несколько секунд оставалась сидеть неподвижно на месте. Ноги и руки дрожали, и мне не хватало воздуха. Как это сделать? Как пойти туда, где ее больше нет? Таксист повернулся, и посмотрел на меня вопросительным взглядом. Молча. Это был сигнал, что пора выходить. В машине больше оставаться нельзя было. Я открыла дверцу, и неуверенно ступила на землю. Мне казалось, что подомной не твердый асфальт, а качающийся из стороны в сторону мостик.

С трудом, переставляя ноги, которые вдруг стали такими тяжелыми, как будто к ним привязали гири, я, пошатываясь, вошла во двор. У нас никогда еще дома не было так много чужих людей как сейчас. Они сновались по двору из стороны в сторону, кто с кастрюлями, кто с тарелками. На меня никто не обращал внимание. Мне вдруг стало так обидно. Как они могут сейчас думать о чем-то другом, кроме того, что бабушки Нюси больше нет? Что за бредовые обычаи! Человек умер, и все вдруг начинают готовить. Как можно что-то есть в такой день? Слезы снова покатались из глаз.

– Настя...

Из дома вышел похудевший и осунувшийся мужчина, в котором я с трудом узнавала своего отца. Как может человек так измениться за одну ночь?

– Держись, девочка, – прошептал он, обминая меня. Я больше не плакала беззвучно, я ревела и всхлипывала. – Нам всем нужно сейчас держаться...

– Где мама? – выдавила я из себя сквозь слезы.

– Она в доме. Возле бабушки.

Эти слова холодным лезвием с новой силой врезались в мое сердце. Я понимала, что мне нужно было идти к ней. Но я не могла. Я вырвалась из папиных объятий, и побежала в свою комнату. Заперев двери на замок, я упала на пол возле кровати, и завывала с новой силой. Я не ощущала времени. Не понимала, что происходит вокруг меня. День сейчас или уже вечер. Мои мысли вернулись в недалекое прошлое, туда, где моя бабушка была еще жива, а мое тело продолжало содрогаться в конвульсиях, издавая звуки, которые мало напоминали плач.

Бабушка всю жизнь была для меня лучшим другом. Она не просто вырастила и воспитала меня, она научила меня всему, что я умею. Благодаря ей, я смогла в восемнадцать лет покинуть отчий дом, и начать самостоятельную жизнь, потому что была полностью готова к ней. Она вырастила меня ответственной и целеустремленной. Оставшись без контро-

ля взрослых, я не стала прогуливать пары и проводить ночи напролет в ночных клубах. Я усердно училась, летом подрабатывала консультантом, и не из-за того, что мне не хватало родительских денег, а просто потому, что чувствовала себя взрослой и самостоятельной. Бабушка с детства внушила мне, что, не смотря на то, что мне дается все легко, не стоит расслабляться ни на миг. Нужно работать, иначе в один прекрасный день, можно все потерять.

Как бы печально это не звучало, но бабушка всегда была намного ближе мне, чем мама. Я могла рассказать ей все на свете, не боясь, критики и непонимания. Мама, в отличие от бабушки, была намного сдержаннее и строже. Бабушка рассказывала мне, что она не всегда была такой. Раньше мама была веселой хохотушкой. Все изменилось после того, как она меня родила. Резкие смены в ее здоровье, значительно отразились и на ее психике. Я ни в коем случае не осуждаю ее за это. Не смотря ни на что, она все равно оставалась для меня самой лучшей мамой в мире.

Бабушка Нюся сделала меня такой, какой я была сегодня. Она хотела, чтобы я в этой жизни добилась всего, о чем мечтала. В свое время она хотела этого для мамы, но у нее жизнь сложилась иначе. Потом она всячески стала помогать мне. Я узнала, зачем мы когда-то на самом деле ездили с ней к бабе Мотре, когда поступила в университет. Узнав результаты вступительных экзаменов, я приехала домой, и тихонько, чтобы меня никто не слышал, вошла в дом. Я купила

торт, и хотела сделать им сюрприз. Мама с бабушкой сидели на кухне и разговаривали.

– Я так волнуюсь, – говорила мама. – Может быть, нужно было поискать какие-то ниточки. Договориться с кем-нибудь, чтобы наверняка знать, что Настя поступит. Даже не представляю, что с ней будет, если она вдруг провалит экзамены.

– С чего ты вообще взяла, что она может их провалить. Ты же знаешь, какая она у нас умная. Окончила школу с золотой медалью. Она обязательно поступит.

– Она умная, но ты же знаешь, что сейчас все решают деньги. Простым детям сейчас очень трудно пробиться куда-нибудь, тем более на бюджет. Надо было отдавать ее на платное отделение. Туда она точно бы поступила.

– Наташа, не устраивай истерик. Настя поступит. Она очень умная, но даже если бы она не была отличницей, то все равно бы поступила, – уверенно сказала бабушка, и я задержалась в дверях чтобы дослушать разговор. В моих привычках никогда не было подслушивать, но сейчас меня как будто что-то держало на пороге, и не пускало дальше в кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.